

В. О. Ключевскій.

Родился 16 янв. 1841 г. † 12 мая 1911 г.

15 мая въ Москвѣ, на кладбищѣ Донскаго монастыря, опустили въ могилу прахъ знаменитаго историка Русской земли, Заслуженнаго профессора Московскаго Университета, Заслуженнаго профессора и Почетнаго члена Московской Духовной Академіи Василя Осиповича Ключевскаго. Болѣе извѣстный какъ профессоръ Московскаго университета, В. О. стоялъ близко и къ Московской академіи, гдѣ его профессорская дѣятельность началась на восемь лѣтъ ранѣе, чѣмъ въ университетѣ, и продолжалась 35 лѣтъ.

Сынъ священника с. Воскресенскаго пензенскаго уѣзда, В. О. родился въ домѣ своего дѣдушки по матери протоіерея г. Пензы. Учился въ пензенскомъ духовномъ училищѣ и потомъ, съ 1856 по 1860 г., въ семинаріи. Рѣдкія дарованія семинариста Ключевскаго обращали на себя всеобщее вниманіе, и начальство дорожило имъ, возлагая на него большія надежды. Въ семинаріи Ключевскій прекрасно изучилъ классическіе языки, ознакомился съ курсомъ философіи и перечиталъ выдающихся русскихъ поэтовъ. Въ эти-же годы пробудился въ немъ неутолимый интересъ къ русской исторіи, и труды Татищева и Карамзина были имъ не только перечитаны, но и передуманы. По мѣрѣ того какъ опредѣлялся характеръ его дарованій и кругъ интересовъ, въ немъ созрѣвало твердое намѣреніе

уйти въ университетъ, и именно Московскій, привлекавшій его славными именами Соловьева, Бу-слаева, Тихомирова и Бодянского. Курса семинарскихъ наукъ Ключевскій не дослушалъ. Дойдя до высшаго отдѣленія, въ декабрь 1860 г., непосредственно послѣ полугодичныхъ декабрьскихъ экзаменовъ, онъ неожиданно для начальства подалъ прошеніе объ увольненіи, ссылаясь на стѣснительныя домашнія обстоятельства и слабое здоровье. Для начальства не осталось секретомъ, что Ключевскій рѣшилъ уйти въ университетъ. Потерять такого рѣдкаго ученика семинаріи съ легкимъ сердцемъ не могла, и правленіе попробовало поставить Ключевскому преграду, опираясь на то, что онъ, какъ получавшій денежное пособіе, обязанъ былъ прослужить извѣстный срокъ въ духовномъ вѣдомствѣ. На прошеніе Ключевского послѣдоваль отказъ. Такъ какъ безъ разрѣшенія семинарскаго правленія и епархіальнаго начальства поступленіе въ университетъ было немыслимо, то неизвѣстно, какъ сложилось-бы будущее Ключевскаго, если-бы его не поддержалъ мѣстный епископъ, преосв. Варлаамъ, который на журнальномъ постановленіи правленія наложилъ слѣдующую резолюцію: „Ключевскій не совершилъ еще курса ученія и, слѣдственно, если онъ не желаетъ быть въ духовномъ званіи, то его можно уволить безпрепятственно“.

Безъ всякихъ средствъ явившись въ университетъ, В. О. жилъ частными уроками, безъ которыхъ не могъ обойтись и тогда, когда былъ принятъ на содержаніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Пребываніе въ университетѣ падаетъ на 1861-1865 г.г.—Темой для кандидатскаго сочиненія В. О. избралъ „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ (Московское государство по описанію иностранцевъ XV—XVII в.)“, которое въ 1866 г. было напечатано въ „Москов. Универ. Извѣстіяхъ“ (№№ 7—9) и выпущено отдѣльно въ

изданіяхъ Общества распространенія полезныхъ книгъ. 10 апр. 1865 г. В. О. былъ утвержденъ въ степени кандидата и, по рекомендаціи своего учителя С. М. Соловьева, былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію.

Служебная дѣятельность В. О. началась въ Александровскомъ военномъ училищѣ, куда онъ въ 1867 г. былъ опредѣленъ на должность репетитора по ходатайству того-же С. М. Соловьева, преподававшего здѣсь всеобщую гражданскую исторію. Впослѣдствіи В. О. занялъ мѣсто С. М. Соловьева и занимался въ училищѣ до 1883 г..

Съ Московской духовной академіей В. О. познакомился въ первые годы своей научной работы. Изысканія въ области древней русской письменности и житійной литературѣ привлекли его къ рукописнымъ собраніямъ академической библіотеки, и при работахъ здѣсь у В. О. завязывались отношенія съ академической корпораціей. Извѣстный канонистъ проф. А. Ѳ. Лавровъ, занимавшій одно время должность библіотекаря академіи, первый замѣтилъ В. О. и въ собраніи Совѣта 28 мая 1871 г. настойчиво рекомендовалъ его кандидатомъ на вакантную каѳедру русской гражданской исторіи. Знаменитый А. В. Горскій, знавшій В. О. по встрѣчамъ въ синодальной библіотекѣ, съ своей стороны поддержалъ кандидатуру. По тогдашнему уставу академій отъ кандидата на каѳедру требовалось представить и защитить диссертацию *pro venia legendi* и прочесть пробную лекцію на тему по назначенію комиссіи. Въ качествѣ диссертациі *pro venia legendi* В. О. представилъ и 8 іюня защитилъ „Сказанія иностранцевъ о Россіи,“ а предложенная ему тема лекціи была „О житіяхъ русскихъ святыхъ, какъ источникѣ свѣдѣній для русской гражданской исторіи“. Избранный 9 іюня 1871 г. приватъ-доцентомъ, В. О. вступилъ въ академическую семью и провелъ на служеніи академіи 35 лѣтъ, до своего выхода въ отставку.

Въ 1872 г. 26 января В. О. защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацию: „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ и получилъ степень магистра русской исторіи, а 16 марта утвержденъ въ званіи доцента академіи. Въ томъ-же году началась преподавательская дѣятельность В. О. на Высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи въ теченіи 16 лѣтъ, оказавъ крупную поддержку идеѣ высшаго женскаго образованія.

Только черезъ 14 лѣтъ послѣ окончанія университетскаго курса возвратился В. О. въ Московскій университетъ, теперь уже въ качествѣ преподавателя. Съ 22 сентября 1879 г. онъ сталъ доцентомъ университета, а въ академіи 22 декабря того-же года получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Защитивъ 29 сентября 1882 г. въ университетѣ диссертацию на степень доктора русской исторіи: „Боярская дума въ древней Руси“, онъ 12 ноября того-же года получаетъ въ академіи званіе ординарнаго и 13 ноября въ университетѣ—званіе экстраординарнаго профессора. Ординарнымъ профессоромъ университета В. О. сталъ 1 марта 1885 г. Съ 27 сентября 1887 г. по 28 марта 1889 г. онъ состоялъ деканомъ историко-филологическаго факультета и съ 28 марта 1889 г. по 15 декабря 1890 г. помощникомъ ректора. Въ 1893—1895 г., по порученію почившаго Государя Императора Александра III, В. О. велъ занятія по исторіи въ Аббасъ-Туманѣ съ великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Въ 1896 г. исполнился 25-лѣтній юбилей службы В. О. въ Московской академіи и 24 января 1897 г. онъ избранъ Заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ академіи. Съ 1900 г. В. О. читалъ лекціи въ специальномъ классѣ Московскаго Училища живописи, ваянія и зодчества. 7 октября 1900 г. избранъ ординарнымъ академикомъ (сверхъ штата) Императорской Академіи наукъ по исторіи и древ-

ностямъ русскимъ. Съ 26 февраля 1893 г. занялъ мѣсто Предсѣдателя Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ и въ разное время былъ избираемъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ многихъ русскихъ историческихъ и археологическихъ обществъ.

Службу въ Московской духовной академіи В. О. оставилъ въ 1906 г., выйдя въ отставку. Совѣтъ академіи въ 1907 г. избралъ его Почетнымъ членомъ академіи, а когда въ декабрѣ 1909 г. исполнился тридцатилѣтній юбилей службы В. О. въ университетѣ, привѣтствовалъ маститаго юбиляра телеграммой.

Исключительныя научныя заслуги В. О. и его блестящій талантъ профессора давно признаны всѣми. Въ 1901 г., въ день 30-лѣтняго юбилея научной дѣятельности В. О., Московскій университетъ такъ характеризовалъ значеніе Василя Осиповича для русской исторической науки:

„Ваши курсы лекцій представляли совершенно новое слово въ области преподаванія русской исторіи. Вы впервые внесли въ изученіе и изображеніе ея широкій спеціально - историческій методъ. Вы дали изумительныя по яркости и отчетливости характеристики общественнаго строенія различныхъ эпохъ русской исторіи, и на этой основѣ подъ руками Вашими стройно и ясно размѣщались сложныя и разнообразныя явленія русскаго прошлаго. Но еще гораздо дальше шло воздѣйствіе Ваше: Вашъ методъ, Ваши построенія вліяли на общее историческое пониманіе, и въ этомъ отношеніи послѣдующія поколѣнія историковъ учились у Васъ. Содѣйствовало этому и самое разнообразіе лекцій... Но вы не только учили общимъ историческимъ приемамъ, Вы не только давали оригинальное освѣщеніе всего процесса русской исторіи,—вы съ удивительнымъ искусствомъ руководили занятіями спеціальными, изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, разра-

боткой источниковъ, раскрывая передъ слушателями неподражаемые образцы тонкаго и глубоко проникающаго анализа историческихъ документовъ. Даръ необычнаго художественнаго творчества, мѣткое слово, тонкая передача оттѣнковъ изображенія, яркія общія картины, изложеніе прозрачно-ясное, рѣчь артистическая, чарующая, приковывающая вниманіе“.

Но заслуживаетъ полнаго вниманія то, что Московская духовная академія какъ первая замѣтила Василя Осиповича и привлекла его въ ряды своихъ профессоровъ, такъ она-же раньше другихъ и дала оцѣнку его ученыхъ достоинствъ. Въ 1896 г., празднуя 27 октября, въ день памяти преп. Нестора Лѣтописца, двадцатипятилѣтній юбилей службы В. О. въ ея стѣнахъ, академія въ рѣчахъ профессоровъ попыталась дать возможно полную характеристику личности юбиляра.

Какъ учевый, В. О. былъ охарактеризованъ такъ:

„Глубокій изслѣдователь и знатокъ своего предмета, Вы приобрѣли себѣ такое почетное ученое имя, что академическая семья наша считаетъ для себя предметомъ справедливой гордости имѣть Васъ въ своей средѣ... Въ „Древне русскихъ житіяхъ“ Вы показали, какъ нужно работать надъ источниками, какъ цѣлые годы.. изучать многія сотни рукописей и, путемъ ихъ тщательнаго сличенія, строгой критической оцѣнки, извлекать изъ массы матеріала крупицы истины. А въ „Боярской Думѣ“ Вы показали, какъ изъ добытаго матеріала пужно создать изящное, стройное зданіе... Но вы явили себя не только образцовымъ историкомъ-критикомъ и прагматикомъ, но и художникомъ. Ваши „Добрые люди древней Руси“, Вашъ „Евгеній Олѣгичъ“, Ваше „Воспоминаніе о Новиковѣ“, Ваша рѣчь „о значеніи преп. Сергія Радонежскаго“ представляютъ собою такія блестящія, истинно-художественныя характеристики эпохъ и личностей, что смѣло могутъ поспорить съ произведеніями рѣзца или кисти какихъ-либо извѣстныхъ маэстро“ (В. А. Соколовъ).

Впечатлѣніе, производимое курсомъ его лекцій, другимъ ораторомъ было опредѣлено въ такихъ словахъ:

„Предъ нашими глазами стройно двигалась русская историческая жизнь, закованная въ стройную систему, одѣтая въ точную сжатую фразу,—и такъ отъ начала исторіи до конца, отъ жизни славянъ на Карпатахъ до преобразовательной эпохи въ царствованіе Александра II включительно. Дѣятели нашего прошлаго проходили предъ нами въ рядѣ мастерскихъ характеристикъ. Какъ живые они вставали во всемъ величій своего историческаго подвига, въ драматизмъ или комизмъ своего положенія. Въ-мѣсто годовыхъ именъ нашихъ учебниковъ въ представленіи Вашихъ слушателей стояли такіе-же яркіе человѣческіе типы, какъ литературные типы лучшихъ художниковъ слова; вмѣсто ряда несвязанныхъ между собою историческихъ эпизодовъ—строгая историческая система... Издали мы пугались историческихъ памятниковъ. Но Вы извлекли изъ нихъ образцы безподобнаго народнаго лаковизма, своеобразныя выраженія всѣмъ близкихъ движеній человѣческаго ума и сердца, на основаніи этихъ памятниковъ Вы рисовали такія цѣльвыя картины прошлаго, что Ваши слушатели певольно проникались къ нимъ живымъ интересомъ (С. Н. Смирновъ).

Въ оцѣнкѣ блестящаго лекторскаго таланта сошлись представители и старшаго и младшаго поколѣній учениковъ В. О-ча. Слушатель перваго, открытаго въ 1871 г., курса засвидѣтельствовалъ юбиляру: „Съ перваго-же года Вы такъ сумѣли завладѣть своими слушателями, что мы внимали Вамъ, можно сказать, съ замираніемъ сердца. И мы начали собою тотъ длинный рядъ Вашихъ поклонниковъ, который непрерывно тянется теперь уже десятки лѣтъ“ (В. А. Соколовъ). Молодой ученикъ В. О-ча подтверждалъ: „Вы являлись предъ нами не только ученымъ и художникомъ, но и артистомъ, талантливо передающимъ въ чтеніи самыя тонкіе оттѣнки мысли, вливающимъ живое чувство въ каждый образъ. Въ Вашихъ лекціяхъ насъ поражала музыка Вашей блестящей рѣчи. Завидѣвъ Васъ

на кафедру, мы цѣликомъ отдавались въ Вашу власть“ (С. И. Смирновъ).

Наконецъ, было отмѣчено и моральное вліяніе ученыхъ работъ Василя Осиповича. Маститый ораторъ (Д. Ѳ. Голубинскій) съ вниманіемъ остановился на словахъ В. О. изъ рѣчи, сказанной имъ въ академіи въ 1888 г. при празднованіи девятисотлѣтія христіанства въ Россіи: „Воспитывая вѣрующаго для *грядущаго* града“, церковь „постепенно обновляетъ и перестраиваетъ и градъ, *зѣль пребывающій*. Эта перестройка гражданскаго обществитія подѣйствіемъ церкви—таинственный и поучительный процессъ въ жизни христіанскихъ обществъ“. Слова эти ораторъ назвалъ „весьма знаменательными“.

Тогда-же было охарактеризовано и сердечное товарищеское отношеніе В. О. къ академической корпораціи. В. А. Соколовъ говорилъ юбиляру: „Не будучи чинтомцемъ академіи, войдя въ нее со стороны, даже и живя вдаль отъ академіи, Вы все-таки такъ сроднились духоиъ съ нею, что всегда были и остаетесь для нея близкимъ и своимъ. Все наши академическія радости и бѣды всегда были близки Вашему сердцу столько же, какъ и намъ. Не разъ на моей памяти бывали и бываютъ въ жизни академіи такія напр. минуты, когда корпорація должна дружно сплотиться и твердо стать на защиту чести, добраго имени и интересовъ академіи, и всегда въ такихъ случаяхъ Вы—нашъ Василій Осиповичъ—всею душой являетесь нашимъ: и опытнымъ совѣтомъ и энергическимъ содѣйствіемъ, и словомъ и дѣломъ готовы поддержать товарищей и постоять за свою академію. А сколько разнаго рода услугъ Вы оказывали и оказываете весьма многимъ изъ насъ? Понадобится-ли намъ что-либо въ университетѣ или въ Публичной библиотекѣ..., всегда мы съ просьбой къ нашему Василю Осиповичу, и хлопочете Вы за насъ и добываете намъ, что нужно, съ такою готовностью и любезностью, какъ можетъ дѣлать только лучший безкорыстный другъ и товарищъ“. Другой ораторъ, привѣтствовавшій В. О. какъ предсѣдателя Общества исторіи и древностей Рос-

сійскихъ, сказали по существу то-же самое (Г. А. Воскресенскій).

Въ послѣдующіе годы въ характеристикахъ, какія при разныхъ случаяхъ дѣлались учеными учрежденіями и лицами, обстоятельнѣе вскрывались, ярче и глубже освѣщались всѣ стороны личности В. О. какъ ученаго, профессора и челоуѣка. Это естественно, такъ какъ уходившіе годы шире развертывали дѣятельность В. О., рѣзче опредѣляли черты его ученой индивидуальности и постепенно уясняли его роль въ исторіи русской исторической науки и русскаго самосознанія. Но для полной и окончательной оцѣнки сложной, многогранной личности В. О. время еще не наступило; оно дѣло будущаго и, можетъ быть, не близкаго. Пока возможна оцѣнка лишь приблизительная. Представители университетской науки выдвигали и будутъ выдвигать тѣ стороны ученой дѣятельности В. О. и тѣ его идеи, какія имъ, съ ихъ точекъ зрѣнія, представляются болѣе важными и цѣнными. Академія, не отрицая значенія тѣхъ сторонъ и идей, оттѣняла и будетъ оттѣнять иныя, болѣе ей близкія и родныя—бережное отношеніе В. О. къ идеальному содержанію русской жизни, его высокую оцѣнку исторической роли христіанства и церкви. Нужно твердо вѣрить, что въ будущемъ, въ своемъ послѣднемъ приговорѣ надъ личностью знаменитаго ученаго, исторія учтетъ и освѣтитъ и эту грань его духа, уже давно оцѣненную академіей ¹⁾. А что академія вѣрно поняла, съ

¹⁾ Когда настоящія строки были уже набраны, появилась въ печати статья о В. О. Ключевскомъ виднаго представителя университетской науки, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Нужно припомнить, что дѣтство сына Ключевского-батюшки прошло въ пелзевскомъ захолустѣ, въ обстановкѣ, въ какой живетъ сельское духовенство. Самыя раннія воспоминанія историка связаны съ яркими бытовыми сценами сельской бѣдности и безпомощности. Связь съ родной деревней долго не прерывалась, а затѣмъ и по мѣсту своего воспитанія, и по мѣсту своего преподаванія Ключевскій былъ связанъ до конца жизни съ духовной средой. О связи

близкой ей стороны, Василя Осиповича, какъ вѣрно оцѣнила и его моральную личность, это подтвердилось, у могилы почившаго. словами его близкаго и

съ „бытомъ“ свидѣтельствовала вся житейская обстановка Ключевского, кругъ его родныхъ и знакомыхъ. Надо прибавить, что эта среда была единственной, въ которой Ключевскій не чувствовалъ никакого стѣсненія и въ которую, поэтому, охотно возвращался. Въ этой средѣ Ключевскій нашелъ краски для своихъ „добрыхъ людей древней Руси“. Я присутствовалъ на томъ торжественномъ засѣданіи духовной академіи, на которомъ Ключевскій читалъ свою рѣчь о Сергіи Радонежскомъ, и былъ свидѣтелемъ умиленія покойнаго Тертія Филиппова, стараго московскаго „почвенника“, отъ этой рѣчи. Я не забылъ и той рѣчи о „содѣйствіи церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка“, которую Ключевскій произнесъ на годичномъ актѣ (1888 г.) Московской духовной академіи и которая такъ и брызжетъ личными признаніями и изліяніями. Ключевскій любовно ловитъ тутъ „звонъ колокола, раздавшійся среди рыночной суматохи“. „Въ ветхомъ и пыльномъ свиткѣ самаго сухого содержанія, въ кунчѣй, закладной, заемной, мѣновой или духовной, подъ юридической формальностью иногда прозвучитъ нравственный мотивъ, изъ-подъ хозяйственной мелочи блеснетъ искра религіознаго чувства,— и вы видите, какъ темная, хозяйственная сдѣлка озаряется внутри теплымъ свѣтомъ, мертвая норма права оживаетъ и перерождается въ доброе житейское отношеніе“. И Ключевскій не можетъ удержаться, чтобы тутъ же не привести нѣсколькихъ строкъ древне-русскаго завѣщанія, которымъ рабы и холопы, „мужички и жепочки“, отпускаются на свободу съ денежной ваградой, „чтобы людцы мои послѣ меня не пошли съ моего двора и не заглакали“. Душа изслѣдователя отдыхаетъ на этихъ минутахъ, онъ ищетъ и заботливо оберегаетъ отъ забвенія эти душевные созвучія, онъ съ доброй улыбкой пересказываетъ ихъ сочувствующимъ и посвященнымъ. Да, онъ живетъ въ эти минуты одной душой съ далекимъ прошлымъ, находитъ тамъ себя и въ себѣ эту древнюю русскую душу. Онъ понимаетъ сердцемъ эту руку, протягивающую милостыню и поддерживающую огонь въ неугасимой лампадѣ. Это— свое, родное, близкое и понятное. В. О. Ключевскій, дѣйствительно, „почвенникъ“... Къ „своему“ Ключевскій навсегда сохранилъ какую-то жалость, какую-то нѣжность состраданія... Свою социальную среду онъ любилъ видѣть въ роли носительницы идеи христіанской культуры и равенства въ мѣрѣ варварства и вассалія. Онъ тщательно выдѣлялъ „голосъ церкви въ защиту несвободныхъ“ и наблюдалъ вліяніе духовенства въ устройствѣ христіанской семьи, обращавшей „жену-рабу въ совѣтницу и подругу мужа.“ въ оборонѣ интересовъ вдовъ, сиротъ и рабовъ. Къ слабымъ обращено было сочувствіе и состраданіе историка; сильнымъ онъ не жалѣлъ и не жаловалъ.“ (П. Н. Мплюковъ).

многолѣтняго друга, хорошо его знавшаго и понимавшаго, который сказалъ о покойномъ слѣдующее:

„Василій Осиповичъ заложилъ новый фундаментъ для построенія русской исторіи, какъ науки, въ современномъ ея значеніи: онъ создалъ даже новую школу; но самъ онъ глубоко дорожилъ и идеальнымъ содержаніемъ русской жизни. Занимаясь житіями русскихъ святыхъ, онъ сдѣлалъ огромный запасъ фактовъ, характерныхъ для заселенія сѣверо-востока Россіи въ силу идеальнаго уклада народной жизни. Не занесъ онъ этихъ фактовъ въ изданную книгу, но берегъ ихъ какъ драгоценность, для будущихъ своихъ работъ.

Но особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь его на торжественномъ актѣ Московской духовной академіи — о значеніи въ русской исторіи преподобнаго Сергія Радонежскаго, по случаю пятисотлѣтней его памяти. Рѣчь эта полна глубокихъ мыслей и необыкновенно художественна по формѣ. Цѣлый соборъ престарѣлыхъ архипастырей, изпуренныхъ продолжительными службами, почившій историкъ заставилъ выслушать себя, отъ пачала до конца, съ неослабнымъ вниманіемъ и слезами умиленія. Одинъ-же изъ государственныхъ мужей, выслушавъ эту рѣчь, тутъ-же сказалъ: „слушалъ я и Кудрявцева, и Грановскаго, славныхъ профессоровъ московскаго университета, но они не сказали и сказать не могли ничего подобнаго“.

Какъ ни велики дары Божьи, сдѣлавшіе его учителемъ всей Россіи, но гораздо выше на Судѣ Божіемъ его чистое сердце, святая душа. Онъ не зналъ лести, ненавидѣлъ ложь; всегда скромный, не искалъ почета и славы; всегда жизнерадостный, вносилъ веселье и бодрость въ окружающихъ; всегда благожелательный, никому не отказывалъ въ добромъ совѣтѣ; всегда гостепріимный — охотно дѣлилъ свою хлѣбъ-соль, покидая всѣ свои занятія.

Въ послѣдніе годы онъ ходилъ въ храмъ Божій именно затѣмъ, какъ говорилъ, чтобы обновить и освѣжить въ себѣ идеальныя впечатлѣнія дѣтства“ (Е. В. Барсовъ).

Василій Осиповичъ скончался 12 мая въ 3 ч. 5 м. по полудни. 13 мая въ часъ дня въ академіи было получено телеграфное сообщеніе о его смерти, и въ академическомъ храмѣ тотчасъ была совершена панихида по усопшемъ Преосв. Ректоромъ еп. Теодоромъ и академическимъ духовенствомъ, въ присутствіи усѣвшихъ собратъя профессоровъ и студентовъ. Въ день погребенія, 15 мая, послѣ литургіи была отслужена вторая панихида. Въ Москвѣ на отиѣваніи тѣла почивнаго присутствовала группа профессоровъ и студентовъ. По окончаніи литургіи было произнесено слово Преосв. Анастасіемъ еп. серпуховскимъ. Во время отиѣванія произнесли рѣчи ученики В. О. законоучитель Императорскаго Московскаго коммерческаго училища свящ. І. А. Артоблеveckій (предъ иѣніемъ „со святыми упокой“) и прот. Боголюбскій (въ концѣ отиѣванія) При опуcтаніи гроба въ могилу, послѣ словъ ректора Московскаго университета М. К. Любавскаго, произнесъ рѣчь проф. Моск. академіи С. П. Смирновъ.

Рѣчь свящ. І. А. Артоблевскаго.

Христось воскресъ! незабвенный и общій нашъ учитель!

Я совершенно увѣренъ, что надъ твоимъ гробомъ и надъ твоею могилкою нескрещено и умѣло воскресуть твои неизмѣримыя научныя заслуги; будутъ вспоминаять тебя и какъ незамѣнимаго руководителя и наставника учащагося юношества; будутъ скорѣбть и о потерѣ въ твоемъ лицѣ высокой и всеобъемлющей души человѣка; но я прямо боюсь, что въ словесный вѣнокъ, возлагать который, къ утѣшенію нашему, въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи ты не запретилъ намъ. забыть могутъ вилести скромный и не яркій, но,—я хорошо знаю,—дорогой и пріятный тебѣ цвѣтокъ—отъ колыбели твоей со дня рожденія, отъ тѣхъ дебрей и лѣсовъ городищенскихъ ¹⁾, которые выходили тебя, отъ той общей для насъ суровой школы, которая суровостью своею, по твоему

¹⁾ Городищенскій уѣздъ, Пензенской губ.

собственному признанію, закалила тебя и, по нашему мнѣнію, сообщила тебѣ почетнѣе богатырскую мощь въ разработкѣ и культивированіи запутанныхъ и сложныхъ историческихъ дебрей. Вотъ почему при первой вѣсти о твоей кончинѣ въ своемъ скорбномъ сердцѣ я совершенно ясно различилъ потребность не только придти сюда помолиться за тебя, но и приехать сюда, къ твоему гробу, шикій до земли „поклонъ“ отъ родной земли твоей. Ты не знаешь для меня лично другого имени, какъ „землякъ“, и, не скрою, я глубоко дорожить этимъ прозвищемъ, и не потому только, что оно давало мнѣ нѣкоторое право и возможность лестнаго для меня и пріятнаго общенія съ тобою, когда позволяли это жизненные условія и обстоятельства, но и потому главнымъ образомъ, что это выразительное, какъ и все въ твоихъ устахъ, „землякъ“ совершенно ясно свидѣтельствовало, что иногда не порывать ты связи съ этою „землею“, родною землею, съ колыбелью твоею,—съ той средой, въ которой начало раскрываться твое самосознаніе, съ тѣмъ особеннымъ специфическимъ „дионовскимъ бытомъ“, который, какъ увѣряли многіе, оставить неизгладимую печать даже на вѣбности твоей. Самъ не имѣя возможности, по сложности своихъ научныхъ и служебныхъ обязанностей, входить часто въ непосредственное соприкосновеніе съ родными тебѣ мѣстами и людьми, я знаю, какъ жадно ты вытѣивалъ все вѣсти о нихъ. И казалось мнѣ, что въ твоемъ громадномъ синтетическомъ умѣ все эти мелкіе штрихи, ничтожныя на нашъ взглядъ частности, все эти невзрачныя камешки—не пропадають даромъ, но, какъ въ старинной мозаикѣ, искусною рукою мастера вволяются въ составъ общаго рисунка, получаютъ здѣсь свое значеніе, образуя оригинальную и стройную композицію. Великій историкъ, ты самъ теперь стать предметомъ исторіи. Усердно будешь учиться твои продолжатели твоего дѣла изучать тайну твоего историческаго гения, подыскивать ключи, чтобы открыть происхожденіе основныхъ мотивовъ твоего историческаго міровоззрѣнія; и думается мнѣ, что на этомъ пути трудно имъ будетъ обойти твою „Арину Родионовну“, къ сказки земли, которая поделушана твоимъ на рѣдкость чуткимъ

ухомъ еще въ дѣтствѣ въ предѣлахъ родной земли. Земля, съ ея лѣсами и рѣками, усердный трудъ на этой землѣ, и единая отрада и источникъ нравственнаго освѣщенія въ этомъ трудѣ—убогая деревенская церковь—вотъ обстановка твоихъ дѣтскихъ лѣтъ. И кто же изъ насъ не знаетъ, что во всѣхъ трактатахъ и лекціяхъ В. О. о строительствѣ русской земли, глубоко и до конца продуманныхъ, отчетливо и постоянно выступаютъ тѣ же самые элементы, какъ красноречивые камни этой грандіозной постройки.

Глубоко цѣнила тебя твоя родина: сказать бы гордилась тобою, если бы это слово хоть сколько-нибудь вязалось съ твоей удивительной простотой и скромностью. Благоговѣла она предъ тобою и какъ-то непосредственно, живо чувствовала тебя, какъ свое, близкое ей, сокровище. Заговорить тамъ о В. О. это значитъ навѣрняка вызвать даже въ равнодушномъ человѣкѣ самое трепетное вниманіе, самый живой интересъ, съ искреннимъ взоромъ, съ трудно скрываемою улыбкою восхищенія. А сказать, что и В. О. интересуется роднымъ ему и прошлымъ и настоящимъ, это значитъ—исторгнуть горячую слезу глубокой душевной признательности. И я живо сейчасъ представляю себѣ, дорогой Василій Осиповичъ, какъ услышнть о твоей кончинѣ этотъ „землякъ“ твой въ собирательномъ смыслѣ,—и не скоро, можетъ быть, не ранѣе девятого дня твоей смерти,—обольется его сердце кровью отъ щемящей грусти, и понесетъ онъ печаль свою... понесетъ туда, куда посылъ ее не одну сотню лѣтъ, въ убогій храмъ свой, и изольетъ и умиритъ скорбь свою въ простой и искренней молитвѣ за тебя предъ престоломъ Божиимъ. И думается мнѣ, что эта молитва будетъ лучше нашей... Хотя и мы побуждаемся этимъ—услышь свое молитвенное дерзновение къ Богу объ упокоеніи души твоей; и лично я хотѣлъ-бы молиться теперь, чтобы въ томъ горнемъ мѣрѣ, который открылся предъ тобою, принять тебя Господь, вѣрнаго въ своемъ великомъ дѣлѣ раба, въ Своѣ общеніе: чтобы явить Онъ твоему глубокому и штыливому уму всю истину „лицомъ къ лицу“; чтобы твое всеобъемлющее сердце, въ которомъ здѣсь никому не было тѣсно, объяло тамъ всю полноту добра; чтобы твое тонкое чувство прекрас-

наго услало тамъ неизреченной красотой обителей райскихъ.

Рѣчь проф. С. И. Смирнова.

Помню я, въ Московской Духовной Академіи Василій Осиповичъ однажды говорилъ.

„Въ одномъ сѣверномъ житіи разсказывается, какъ старецъ подвижникъ, выйдя въ лѣсъ, за ограду обители, заслушался птички и заснулъ подъ деревомъ на 300 лѣтъ. Проснувшись пошелъ онъ къ своему монастырю и не узналъ его: стѣны окрашены въ другой цвѣтъ, новый настоятель, чужая братія... Я былъ счастливѣе этого старца: рано оставивъ духовную школу, долго я скитался вдали отъ нея, но когда въ нее вернулся, я почувствовалъ себя здѣсь снова своимъ“...

И дѣйствительно, для академіи В. О. былъ своимъ человекомъ. Сынъ сельскаго священника, ранній сирота, онъ 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ читалъ своей бабушкѣ по славянскимъ четъ-минеемъ житія святыхъ, а потомъ окончивъ университетъ, въ который В. О. попалъ изъ духовной семинаріи, темой для своей магистерской работы онъ взялъ „Древнерусскія житія святыхъ“. Разыскивая древніе тексты житій, В. О. занимается между прочимъ въ библіотекѣ нашей академіи, знакомится съ академическими учеными. Тамъ оцѣнили его: прежняя академія умѣла находить таланты, и изслѣдователь житій святыхъ сталъ профессоромъ духовной академіи.

Но понавъ въ родную культурно среду, В. О. вноситъ въ нее новую стихію—свои необычайныя дарованія, воспитанныя иною школой: широкое образованіе, смѣлость критической, ни передъ чѣмъ не останавливающейся мысли, отвагу научныхъ построеній, дивную красоту рѣчи, умѣнье извлечь изъ стараго источника образцы неподобнаго народнаго лаконизма, а главное, онъ вноситъ безпристрастіе изслѣдованія, вскрывающаго не только труды и славу и добро дѣятелей нашего прошлаго, но и грѣхи и темныя дѣянья и великія историческія неправды.

Академія оцѣнила В. О-ча съ первой лекціи. Первые слу-

шатели его свидѣтельствуя, что они внимали молодому профессору съ замираніемъ сердца. И это понятно. Въдъ тотъ курсъ Ключевскаго, который долго будетъ читать вся мыслящая Россія, задуманъ имъ и началъ создаваться у насъ, въ Московской духовной академіи, гдѣ прослужилъ покойный 35 лѣтъ, половину своей жизни. Передъ нами стоялъ великій историкъ земли русской—нашего многострадальнаго народа; умилялъ насъ чарующей силою слова, заставлялъ учиться и думать, помогаль разобраться въ прошломъ, чтобъ оцѣнить по достоинству настоящее и стать къ нему въ надлежащее отношеніе. Уча насъ какъ студентовъ исторіи Россіи, В. О. воспитываль въ насъ общественную совѣсть, чувство долга, воспитываль въ насъ гражданъ.

Дорогой наставникъ нашъ. Прими послѣднее „прости“ и отъ насъ, питомцевъ родной тебѣ духовной школы, чтущихъ великую память твою.

Списокъ трудовъ В. О. Ключевскаго. ¹⁾

1. Сказанія ипостранцевъ о Московскомъ государствѣ. (Московское государство по описаніямъ иностранцевъ XV—XVII вв.). „Московскія Университетскія Извѣстія“ 1866 г., №№ 7—9, стр. 1—264, и отдѣльно М. 1866 стр. 264 (изданіе „Общества распространенія полезныхъ книгъ“). 2. Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. „Московскія Университетскія Извѣстія“ 1866—1867 гг., № 7, стр. 541—574, и отдѣльно стр. 1—34. 3. Новыя изслѣдованія по исторіи древнерусскихъ монастырей. По поводу сочиненія доцента В. С. Иконникова: „Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ и наукъ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности“. „Православное Обзорніе“ 1869 г., № 10, стр. 439—469; № 12, стр. 737—759. 4. Поправки къ одной антикритикѣ (В. С. Иконникова). „Православное Обзорніе“ 1870 г., № 4, стр. 724—741. 5. Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси. По поводу книги А. Щапова: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“. „Православное Обзорніе“ 1870 г., № 2, стр. 307—337. 6. Рукописная бібліотека В. М. Ундольскаго. По поводу изданія „Описанія“ ея. „Православное Обзорніе“ 1870 г., № 5, стр. 872—894. 7. Образцовые писатели русскихъ житій въ XV в. „Православное Обзорніе“ 1870 г., № 8, стр. 178—210; № 9, стр. 328—353; № 10, стр. 479—505.

¹⁾ Составленъ С. Бѣлокуровымъ. Вогословская Энциклопедія Т. XI. СІВ; ст. 254—289.

8. Греческая церковь въ Лондонѣ въ первой половинѣ XVIII в. „Православное Обзорѣніе“ 1871 г., № 1, стр. 43—62. 9. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, М. 1871. 10. Русская церковно-историческая литература (свящ. М. И. Горчакова „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ патріарховъ и Св. Синода“). „Православное Обзорѣніе“ 1871 г., № 9, стр. 709—728. 11. Аллилуія и отецъ Пафнуцій. „Современныя Иавѣстія“ 1872 г. № 75. 12. Псковскіе споры: 1) Русское церковное общество въ XV вѣкѣ. 2) Псковское церковное общество въ XV в., „Православное Обзорѣніе“ 1872, № 9, стр. 283—307. 3) Споры съ владыкой, 4) Споръ съ латынями. „Православное Обзорѣніе“ 1872 г., № 10, стр. 466—491. 5) Богословскій споръ, 6) Литературная полемика. „Православное Обзорѣніе“ 1872 г., № 12, стр. 711—741. 13. Описание диспута Н. И. Субботина. „Православное Обзорѣніе“ 1874 г., № 5, стр. 327—337. 14. Разборъ сочиненія М. И. Горчакова: „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода“ въ 15-мъ Отчетѣ о присужденіи награды гр. Уварова. СПб. 1874, стр. 91—125, и отдѣльно стр. 35. 15. Рецензія книги: „Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII столѣтія: общинный бытъ древней Руси“ Д. Д. Сонцова, Москва 1875. „Учебно-воспитательная бібліотека“ 1875—6 гг., ч. 2, стр. 92—96. 16. Historische Zeitschrift 36 Band (München 1876). S. 649—670: разборъ сочиненія Bernhardt, Geschichte Russlands, II Th., 1 Abth., за подписью К. . . у. 17. Двадцатипятилѣтіе Исторіи Россіи С. М. Соловьева. „Древняя и Новая Россія“ 1877 г. № 1 стр. 1—7. 18. Наказанія церковныя. Новый трудъ по церковному праву Н. С. Суворова. „Православное Обзорѣніе“ 1877 г., № 5, стр. 173—182. 19. Кръпостной попросъ наканунѣ законодательнаго его возбужденія. Сочиненія Ю. Θ. Самарина, т. 2: Крестьянское дѣлѣ до Высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 г. Изданіе Д. Θ. Самарина, Москва 1878, 444 стр. „Критическое Обзорѣніе“ 1879 г., № 3, стр. 12—14. 20. Исторія Московской Духовной Академіи о. С. К. Смирнова. „Православное Обзорѣніе“ 1879 г., № 4, стр. 802—825. 21. Г. Рамбо—историкъ Россіи (Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877, par Alfred Rambaud; ouvrage, couronné par l'Académie française, Paris 1878). „Критическое Обзорѣніе“ 1879 г., № 10, стр. 1—10. 22. Некрологъ: С. М. Соловьевъ. „Критическое Обзорѣніе“ 1879 г., № 20, стр. 37—40. 23. Предисловіе къ житію преп. Филиппа Ирапскаго, составленному инокомъ Германомъ: Житіе преп. Филиппа Ирапскаго. Изданіе Общества любителей древней письменности. XLVI (СПб. 1879), стр. V—XLIV. 24. Боярская дума древней Руси. „Русская Мысль“ 1880 г., № 1, стр. 40—76; № 3, стр. 45—74; № 4, стр. 1—37; № 10, стр. 64—95; № 11, стр. 126—154; 1881, № 3, стр. 245—272; № 6, стр. 184—230; № 8, стр. 280—322; № 9, стр. 228—271; № 10, стр. 148—192; № 11, стр. 80—113, и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Боярская дума древней Руси. Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества“, Москва 1881. Слѣдующія изданія подъ заглавіемъ: „Боярская дума древней Руси“: 1882, М. 1883, М. 1902. 25. Объясненіе по поводу одной рецензіи (проф. М. Ф. Владимірскаго-Вуданова). „Русская Мысль“ 1881 г., № 2, стр. 106—113. 26. С. М. Соловьевъ проф. † 4 октября 1879 г. „Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета 12 января 1880“, стр. 1—59. 27. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго

Университета 6 июня въ день открытія памятника Пушкина. „Русская Мысль“ 1880 г., № 6, стр. 20—27. 28. Право и фактъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. „Русь“ 1881 г. № 28—29. Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ вышшему (матеріалы для исторіи цѣль). „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1884 г. кн. 1, стр. 1—72 и отдѣльно Москва 1884. 30. Происхожденіе крепостнаго права въ Россіи. „Русская Мысль“ 1885 г., № 8, стр. 1—36; № 10, стр. 1—46. 31. О хлѣбной мѣрѣ въ древней Руси. „Древности Московскаго Археологическаго Общества“, т. X (М. 1885), стр. 68—69 (протоколы). 32. По поводу открытой А. С. Павловымъ дополнительной статьи къ Русской Правдѣ „о установленіи тѣтѣбы“. „Древности Московскаго Археологическаго Общества“ т. XI, вып. 2. (М. 1886), стр. 60—61. (протоколы). 33. Подушная подать и отмѣна холодства въ Россіи. „Русская Мысль“ 1886 г., № 5, стр. 106—122; № 7, стр. 1—19; № 9, стр. 72—87; № 10, стр. 1—20. 34. Рѣчь объ историкѣ В. Н. Татищевѣ въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—19 апрѣля 1886 г. (о мѣстѣ его въ русской исторіографіи) „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1886 г., кн. IV, стр. 5 (протоколы). 35. Евгевій Овдѣгнѣи и его предки. „Русская Мысль“ 1887 г., № 2, стр. 291—306. 36. Рѣчь о С. А. Усовѣ. Рѣчи, читанныя на засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 15 Ноября 1886 г., посвященномъ памяти С. А. Усова. „Древности Московскаго Археологическаго Общества“, т. XI, вып. 3. (М. 1887), стр. XII—XVII. 37. Замѣчаніе о гривнѣ куны. „Древности Московскаго Археологическаго Общества“, т. XI, в. 3. (М. 1887), стр. 86 (протоколы). 38. Чья земля подъ городскими рядами на Красной площади? „Русскія Вѣдомости“ 1887 г. и отдѣльно М. 1887, стр. 1—12. 39. Содѣйствіе церкви успѣхамъ гражданскаго права и порядка. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1888 г. „Годишный актъ въ Московской Духовной Академіи 1 октября 1888“. Прибавленія къ „Твореніямъ святыхъ отцовъ“ 1888 г., кн. IV, стр. 5—36, и отдѣльно М. 1888, стр. 1—32. 40. Отзывъ объ изслѣдованіи С. Ѳ. Платонова: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“ (СПб. 1885). „Отчетъ о 31-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ (СПб. 1890), стр. 53—66 и отдѣльно, Спб. 1890, стр. 1—14. 41. По поводу замѣтки Д. Д. Голохвостова объ историческомъ значеніи слова „кормленіе“. Письмо къ издателю. „Русскій Архивъ“, 1889 г. № 5, стр. 138—145. 42. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. „Русская Мысль“ 1890 г. № 1, стр. 141—178; 1891, № 1, стр. 132—147; 1892, № 1, стр. 140—177. Поцѣвка, *ibid.* февраль, стр. 221—222.—43. Грусть. (Памяти М. Ю. Лермонтова † 15 іюля 1841 г.). „Русская Мысль“ 1891 г., июль, стр. 1—18 и отдѣльно. 44. Добрые люди древней Руси. Публичная лекція, читанная въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. „Богословскій Вѣстникъ“ 1892 г., № 1, стр. 77—96 и отдѣльно; 2-е изданіе книгопродавца А. Д. Ступина, съ рисунками, М. 1896; 3-е изданіе его же съ рисунками, М. 1902. 45. Разборъ изслѣдованія Н. Д. Чечулина: „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. „Отчетъ о 33-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ (Спб. 1892) и отдѣльно, стр. 1—40.—46. И. Н. Болтницъ (6 ок-

тбря 1792). „Русская Мысль“ 1892 г., ноябрь, стр. 107—130, и отдѣльно.—
47. Значеніе преп. Сергія Радовежскаго для русскаго народа и государства. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сентября 1892 г. въ память преп. Сергія, „Богословскій Вѣстникъ“ 1892 г., № 11, стр. 1—15, и отдѣльно. То же подъ заглавіемъ: „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа“. „Троицкій Цвѣтокъ“ № 9 (М. 1892), стр. 1—32.—**48.** Два воснитавія. „Русская Мысль“ 1893 г., № 3, стр. 79—99 и Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ.
49. Соловьевъ, какъ преподаватель. Издавіе Историческаго Общества при Московскомъ Университетѣ, ч. I, стр. 184—194. То же въ книгѣ: „Воспоминанія о студенческой жизни“ (М. 1899): издавіе общества распространенія полезныхъ книгъ, стр. 3—20.
50. О значеніи историческихъ трудовъ П. Н. Болтина въ ходѣ русской историографіи. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1894 г., кн. I, стр. 31 (протоколы).
51. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1894 г., кн. IV, стр. 1—7, и отдѣльно М. 1894.
52. Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. „Русская Мысль“ 1895 г., № 1, стр. 38—60 и отдѣльно.—**53.** Воспоминанія о Д. Θ. Масловскомъ. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1895 г. кн. II, стр. 26—27 (протоколы).
54. Недоросль Фопъ-Визина (Опытъ историческаго объясненія учебной лъесы). „Искусство и Наука“ 1896 г., № 1, стр. 5—26, и отдѣльно.
55. Императрица Екатерина II. 1796—1896. „Русская Мысль“ 1896 г., № 11, стр. 130—177, и отдѣльно.
56. Рѣчь при открытіи засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 18 Мая 1895 г. въ память П. I. Шафарика. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1896 г., кн. IV, стр. 26—27 (протоколы).
57. Воспоминанія о П. С. Тихомировѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., мартъ, стр. 218—224 (въ статьѣ А. П. Пылина о Тихомировѣ и въ сочиненіяхъ Тихомирова, т. I).
58. Западное вліяніе въ Россіи XVII в. Историко-психологическій очеркъ. „Вопросы философіи и психологіи“ 1897 г., кн. 36, стр. 137—155; кн. 38, стр. 535—538; кн. 39, стр. 760—800 и отдѣльно М. 1897 стр. 1—87.
59. О трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1898 г., кн. II, стр. 27 (протоколы).
60. О Θ. И. Буслевѣ, какъ преподавателѣ и изслѣдователѣ. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1898 г., кн. II, стр. 53 (протоколы).
61. Смѣна Боярство и дворянство. „Русская Мысль“ 1899 г., № 1, стр. 200—221, и отдѣльно.
62. Краткое пособіе по Русской исторіи. Частное изданіе для слушателей автора, М. 1899, стр. 1—156; 2-е изданіе съ дополненіями, М. 1900, стр. 1—165; 3-е изданіе, М. 1903, стр. 1—172; 4-е изданіе, М. 1905, стр. 1—180.
63. Рѣчь о Пушкинѣ 26 мая 1899 г. „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“.—**64.** Воспоминанія о М. С. Корелинѣ († 3 января 1899 г.), какъ преподавателѣ на Высшихъ женскихъ курсахъ, читанныя въ публичномъ засѣданіи Московскаго Историческаго Общества (см. „Историческій Вѣстникъ“ 1900 г., мартъ, стр. 1228).
65. О су-

дебникъ царя Ѳедора Ивановича 1589 г. „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“ вып. 7 (М. 1900), стр. V—IX, и въ отдѣльномъ изданіи: „Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича 1589 г.“ (М. 1900), стр. XXV—XXXVIII. 66. Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ. „Журналъ для всѣхъ“ 1901 г., № 1, стр. 53—72, и отдѣльно, Спб. 1902, стр. 1—43. 67. Задачи научной популяризаціи. „Научное Слово“ 1903 г., кн. 1, стр. 7—12. 68. Разборъ сочиненія Н. А. Рожкова: „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ“. „Отчетъ о 44-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ (Спб. 1904) и отдѣльно, Спб. 1904, стр. 1—19. 69. Курсъ русской исторіи, ч. I—IV. М. 1904—1910 г.г. 70. А. Л. Ординъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII вѣка. „Научное Слово“ 1904 г., кн. 3, стр. 121—138. 71. Памяти С. М. Соловьева. „Научное Слово“ 1904 г., кн. 8, стр. 117—132. 72. Москва и ея князья въ удѣльные вѣка. „Журналъ для всѣхъ“ 1905 г., кн. I, стр. 34—38.

Кромѣ того рядъ отзывовъ о сочиненіяхъ студентовъ Москов. Духов. Академіи на степень кандидата, а также о магистерскихъ диссертацияхъ напечатанъ въ Журналахъ совѣта ея; замѣчанія его на диспутахъ въ Московскомъ Университетѣ и Духовной Академіи см. въ описаніяхъ сихъ диспутовъ, помѣщенныхъ въ различныхъ органахъ періодической печати; нѣсколько отрывковъ изъ курса, взятыхъ изъ литографированнаго изданія его, появились безъ согласія автора въ журналѣ „Народное Благо“, въ началѣ его изданія.
